

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ

КОМЕДИЯ В ДВУХ АКТАХ

*Перевод с немецкого
Н. ОТТЕНА*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вольфганг Швиттер — лауреат Нобелевской премии.

Ольга — его жена.

Йохен — его сын.

Карл Коппе — его издатель.

Фридрих Георген — знаменитый критик.

Гуго Ниффеншвандер — художник.

Августа — его жена.

Эмануэль Лютц — священник.

Великий Мюгеим — капиталист.

Профессор Шлаттер — хирург.

Госпожа Номзен — деловая женщина.

Глаузер — привратник.

Майор Фридли — из Армии спасения.

Шафрот — инспектор уголовной полиции.

Критики, издатели, журналисты, полицейские, солдаты Армии спасения.

ПЕРВЫЙ АКТ

Мастерская художника, сдаваемая внаем вместе с обстановкой. Слева в глубине — ниша, с косым верхним светом. В окно виден многоквартирный дом и полоска неба. Лето, длинный день, послеобеденное время, половина пятого, душно, тяжело. Перед нишей — мольберт, в нише — ящик с красками, кисти, банки и т. д. Справа от ниши — дверь, единственная дверь, ведущая в мастерскую, следовательно, единственный вход и выход. На переднем плане у левой стены — старый комод, над ним картина, изображающая нагую женскую натуру. У правой стены параллельно рампе стоит кровать. По обе стороны кровати — два старых стула, за кроватью — ширма, а над ней еще одна картина с обнаженным женским телом. Другие картины такого же содержания висят и стоят вокруг. Посреди мастерской железная печка, она же служит и кухонной плитой; над печкой возвышается фантастическая труба, которая тянется к правой стене и уходит в нее. К трубе привязаны веревки, на них — развешенные для просушки пленки. Слева около печки стоит старое расшатанное кресло и старый круглый, слегка покряхтевший стол, около него стул. У мольберта в расстегнутой рубашке, с сигаретой во рту художник Ниффеншвандер пишет обнаженную натуру; его жена позирует на постели спиной к публике. Стучат.

Дверь открывается. Входит Швиттер. Небрит. В дорогой шубе, несмотря на убийственную жару. Из карманов у него торчат рукописи. В руках — два туго набитых чемодана. Под мышкой — две громадные свечи.

Озирается Ниффеншвандер продолжает работать.

Молчание.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Войдите. Что вам угодно? Не двигайся, Августа! *(Замечает Швиттера.)* Вы... Ведь вы...

Ш в и т т е р. Да, это я. Вольфганг Швиттер. *(Снова озирается.)* Все как было.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Простите... Вы же... Я хочу сказать... Простите... *(Бросает сигарету.)*

Ш в и т т е р. Я уже протянул ноги, вы хотите сказать?

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Но, господин Швиттер...

Ш в и т т е р. Никаких «но». Вы совершенно правы. Будьте добры, возьмите эти свечи...

Н и ф ф е н ш в а н д е р. С удовольствием, господин Швиттер. *(Берет у него свечи.)* И чемоданы?

Ш в и т т е р. Ну, это уж слишком!

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Прошу прощения, господин Швиттер.

Ш в и т т е р. Если вам нетрудно, закройте окно. Прекрасное лето, просто на редкость, и дни такие длинные, а я вот зябну.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Понятно, господин Швиттер. *(Закрывает окно, а затем дверь.)*

Ш в и т т е р. Газеты полны трогательных описаний. Лауреат Нобелевской премии в больнице, лауреат Нобелевской премии в кислородной палатке, лауреат Нобелевской премии на операционном столе, лауреат Нобелевской премии в состоянии комы. За моей болезнью следил весь мир, моя смерть стала общественным событием, а я... сбежал. Сел в городской автобус, и вот я здесь. *(Шатается.)* Мне лучше присесть. Такая нагрузка... *(Садится на чемодан.)*

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Разрешите мне...

Ш в и т т е р. Не трогайте меня. Умиравшего лучше оставить в покое. *(Глядит на женщину.)* Смешно. Знаешь, что еще минута — и ты попадешь в лапы смерти, и вдруг ты сидишь против нагой женщины, видишь ее золотистое бедро, ее золотистый живот, ее золотистую грудь...

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Это моя жена.

Ш в и т т е р. Красивая женщина! Господи, дай мне еще хоть раз обнять такое тело! *(Снова встает.)*

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Августа, оденься!

Августа исчезает за ширмой в глубине, справа.

Ш в и т т е р. У меня взыграл дух, дорогой мой... Как вас, кстати, зовут?

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Ниффеншвандер. Гуго Ниффеншвандер.

Ш в и т т е р. Первый раз слышу. *(Снова озирается.)* Сорок лет назад я здесь жил. И тоже занимался живописью. Потом я сжег свои картины и начал писать. *(Садится в кресло.)* А кресло все так же расшатано. *(Хрипит.)*

Н и ф ф е н ш в а н д е р *(в ужасе)*. Господин Швиттер!

Ш в и т т е р. Ехать было так далеко...

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Августа! Воды!

Ш в и т т е р. В том, что умираешь, нет никакой трагедии.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Давай скорей!

Ш в и т т е р. Сейчас пройдет.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Вам надо вернуться в больницу, господин Швиттер.

Ш в и т т е р. Чепуха. *(Тяжело дышит.)* Я хочу снять эту мастерскую.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Эту мастерскую?

Ш в и т т е р. На десять минут. Я хочу здесь умереть.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Здесь?

Ш в и т т е р. Черт, ведь для этого я в конце концов и воскрес.

Августа, уже одетая, приносит стакан воды.

Августа. Вот вода, господин Швиттер.

Швиттер. Я никогда не пью воду. *(Разглядывает Августу.)* Даже одетая вы очень красивы. Вы не обидитесь, если я буду звать вас Августой?

Августа. Конечно нет, господин Швиттер.

Швиттер. Если бы я не умирал, вы бы стали моей любовницей. Простите, что я так говорю, но перед лицом вечности...

Августа. Конечно, господин Швиттер.

Швиттер. Ноги у меня уже одеревенели. Смерть — дикость, вам Ниффеншвандер, это тоже придется когда-нибудь испытать. Воспоминания, которые к вам приходят, преграды, которые рушатся, благоразумие, которое больше не нужно... Просто великолепно. Однако я не хочу вам мешать. Вы оставите меня на четверть часа одного, а когда вы вернетесь, я уже буду готов. *(Достает из кармана шубы деньги и дает Ниффеншвандеру.)* Сто.

Ниффеншвандер. Большое спасибо, господин Швиттер.

Швиттер. Нуждаетесь?

Ниффеншвандер. Ну, конечно. Как потрясатель основ в искусстве...

Швиттер. В этой мастерской у меня тоже была дерьмовая жизнь. Бездарному художнику, который сжигает свои кисти, собираясь стать писателем, ни одна собака не даст в долг. Пришлось мошенничать, Ниффеншвандер, просто мошенничать! *(Расстегивает шубу.)* Душно.

Ниффеншвандер. Может... все-таки в больницу?..

Швиттер. Надо лечь в кровать.

Августа. Я постелю чистое белье.

Швиттер. Зачем? Я умру на вашей простыне, Августа, еще хранящей теплоту вашего тела. *(Встает и кладет деньги на стол.)* Еще сто. На пороге смерти становишься щедрым. *(Вынимает из кармана рукопись и подает ее Ниффеншвандеру.)* Моя последняя рукопись.

Ниффеншвандер. Вашему издателю?..

Швиттер. В печку.

Ниффеншвандер. Пожалуйста, господин Швиттер. *(Запихивает рукопись в печку.)*

Швиттер. Зажгите!

Ниффеншвандер. Как прикажете, господин Швиттер.

Зажигает рукопись. Швиттер снимает шубу, аккуратно кладет ее на кресло, сбрасывает туфли и ставит их так же аккуратно около кресла. Остается в пижаме, босиком.

Зажег.

Швиттер. Я лягу. Мне остались считанные минуты.

Августа хочет помочь ему дойти до постели.

Не трогайте меня, Августа. Я хотел бы в последние минуты подумать о чем-то более значительном, чем красивая женщина. *(Добирается до постели.)* Я хотел бы ни о чем не думать. *(Ложится в постель.)* Просто забыться. *(Лежит неподвижно.)* Моя старая кровать. Все тот же неистребимый матрац. И на одеяле та же дыра, и эта ужасная печная труба все так же торчит перед глазами. Августа!

Августа. Да, господин Швиттер.

Швиттер. Укройте меня.

Августа. Пожалуйста, господин Швиттер. *(Укрывает его.)*

Швиттер. Поставьте свечи, Ниффеншвандер. Когда приходит смерть, немножко торжественности не помешает. В свой последний час все мы становимся романтиками.

Ниффеншвандер. Слушаюсь, господин Швиттер. (*Ставит свечи на стулья по обе стороны кровати.*)

Швиттер. Зажгите.

Ниффеншвандер. Сейчас, господин Швиттер. (*Зажигает свечи.*)

Швиттер. Задерните портьеры, Августа.

Августа. Пожалуйста, господин Швиттер. (*Задергивает черные портьеры.*)

В мастерской становится темно, горят только две свечи.

Ниффеншвандер. Теперь вы довольны?

Швиттер. Доволен.

Августа. Совсем как на рождество.

Художник и его жена застыли в благоговении. Тишина. Швиттер лежит неподвижно. Оба наклоняются над ним.

Гуго...

Ниффеншвандер. Что, Августа?

Августа. Он больше не дышит.

Ниффеншвандер. Отошел.

Августа. Боже мой!

Ниффеншвандер. Конец.

Августа. Что нам теперь делать?

Ниффеншвандер. Не знаю...

Августа. Позвать привратника?...

Ниффеншвандер. Вот так история!

Тишина.

Августа. Гуго!

Ниффеншвандер. Что, Августа?

Августа. Он открывает глаза.

Ниффеншвандер. Как?!

Швиттер (*тихо*). Только нагая натура. Неужели вы ничего не пишете, кроме вашей обнаженной жены?

Ниффеншвандер. Я отображаю жизнь, господин Швиттер.

Швиттер. Черт бы вас побрал! Разве можно отображать жизнь вообще?

Ниффеншвандер. Я пытаюсь, господин Швиттер.

Швиттер. Убирайтесь!

Августа. Сейчас, господин Швиттер. Я только захвачу близнецов.

Швиттер. Близнецов?

Августа. Ирму и Риту. Им полгода.

Швиттер. А вы их оставьте здесь.

Августа. А пеленки?...

Швиттер. Не мешают.

Августа. Они еще не высохли.

Швиттер. Ничего.

Ниффеншвандер. Пошли, Августа.

Августа. Господин Швиттер... я буду за дверью, если я вам понадобится.

Швиттер. Вы — прелесть, Августа.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Он слабо кивает ей на прощание. Супруги идут к двери.

Швиттер. Ниффеншвандер!

Ниффеншвандер. Господин Швиттер?

Швиттер. Вы похожи на одного бельгийского министра.

Ниффеншвандер (*смущенно*). Как вам угодно, господин Швиттер.

Супруги выходят из мастерской. Швиттер остается один. Он лежит неподвижно со сложенными руками, но когда кажется, что он уже умер, он внезапно вскакивает с постели, открывает один из чемоданов и в пижаме, став на колени, начинает заталкивать в печку его содержимое. Входит, тяжело дыша, священник Эмануэль Лютц. У него приветливое наивное, почти детское лицо. Ему сорок лет, это худой блондин в золотых очках и темном костюме. В левой руке он держит черную широкополую шляпу.

Священник Лютц. Господин Швиттер! Боже милостивый!

Швиттер. Вон!

Священник Лютц. Возблагодарим господа бога нашего, Саваофа!

Швиттер. Мне не нужны ваши молитвы.

Священник Лютц. Но вы живы!

Швиттер. Убирайтесь.

Священник Лютц. Я — настоятель церкви святого Иакова, Эмануэль Лютц, и пришел к вам прямо из больницы.

Швиттер. Я не нуждаюсь в духовнике. *(Зажигает огонь в печке.)*

Священник Лютц. Ваша жена призвала меня к смертному ложу.

Швиттер. У вас это на лице написано.

Священник Лютц. Я был очень смущен. Вы — прославленный во всем мире писатель, а я скромный пастырь, совершенно не знакомый с современной литературой.

Швиттер. Хорошо тянет. *(Мешает кочергой в печке.)*

Священник Лютц. Могу я вам помочь?

Швиттер. Да, если будете подавать мне бумаги.

Священник Лютц. С большим удовольствием. *(Кладет шляпу на стол, становится на колени, берет из чемодана бумаги и передает их Швиттеру.)* Вы лежали без сознания на больничной кровати, а я произносил над вами слова девяностого псалма: «Господи боже, ты наше прибежище во веки веков».

Швиттер. Хорошо горит.

Священник Лютц. «...Ты, который даешь людям смерть, говоря: придите ко мне снова, сыны человеческие...» Будет жарко! *(Вытирает пот.)*

Швиттер. Хорошо горит.

В дверях показывается Августа

Августа. Господин Швиттер!

Швиттер. Еще жив.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Августа исчезает.

Швиттер. Давайте жечь дальше.

Священник Лютц *(подавая бумаги)*. Пожалуйста.

Швиттер. Удивительно, как это вы меня нашли?

Священник Лютц. Через старшую медсестру. Вы все время бредили, что хотите вернуться в свою старую мастерскую. *(Вздрагивает.)* Господин Швиттер!..

Швиттер. Ну?

Священник Лютц. Это же... Это же... Это же деньги. Что мы...

Швиттер. И что?

Священник Лютц. По тысяче франков каждая...

Швиттер. Да.

Священник Лютц. Целое состояние.

Швиттер. Полтора миллиона.

Священник Лютц *(растерянно)*. Полтора...

Швиттер. Заработал на писанине.

Священник Лютц. Полтора миллиона... Но ваши наследники, господин Швиттер?.. Ваши наследники...

Швиттер. Плевал я на них.

Священник Лютц. Колоссальная сумма. Можно было накормить детей, выучить медицинских сестер... а вы все это сжигаете...

Швиттер. Медленно горят.

Священник Лютц. Если бы мне хотя бы тысячу, для больничной кассы...

Швиттер. Ни за что.

Священник Лютц. Или для миссионеров...

Швиттер. Не может быть и речи. Я был нищим, когда жил в этой мастерской, и нищим хочу здесь умереть. *(Продолжает жечь.)*

Священник Лютц. Умереть? *(Встает.)* Вы?

Швиттер. Когда мое состояние сгорит, я лягу и сдохну.

Священник Лютц. Однако, господин Швиттер, вы не можете еще раз умереть. Вы... ведь вы уже умерли, господин Швиттер.

Швиттер смотрит на священника, стоя на коленях перед печкой.

Когда я возносил к небу девяностый псалом, вы приподнялись и тут же испустили дух.

Молчание.

(Тихо.) Это было потрясающее зрелище!

Швиттер запикивает в печку еще одну пачку денег, поднимается, орет.

Швиттер. Августа!

В дверях появляется Августа.

Августа. Да, господин Швиттер.

Швиттер. Коньяку! Быстро! Бутылку!

Августа. Пожалуйста, господин Швиттер. *(Исчезает.)*

Швиттер. Помогите мне надеть шубу.

Священник Лютц ему помогает.

Умер!

Священник Лютц. Господь призвал вас к себе.

Швиттер. Потеха. Я потерял сознание, а когда пришел в себя, то лежал один в больничной палате. У меня был подвязан подбородок.

Священник Лютц. Так всегда делают с только что умершими.

Швиттер. На одеяле лежала груда цветов, а вокруг горели свечи.

Священник Лютц. Вот видите!

Швиттер. Я прополз под венками от правительства и комитета по Нобелевским премиям. И поехал в свою мастерскую. Вот и все.

Священник Лютц. Нет, не все.

Швиттер. Но это факт.

Священник Лютц. Факт, что профессор Шлаттер лично констатировал вашу смерть. В одиннадцать часов пятьдесят минут.

Швиттер. Врачебная ошибка.

Священник Лютц. Профессор Шлаттер — крупнейший специалист!

Швиттер. Даже крупнейший специалист может ошибиться.

Священник Лютц. Но не профессор Шлаттер.

Швиттер. А я, между прочим, жив. *(Недоверчиво себя ощупывает.)*

Священник Лютц. Снова жив. Вы восстали из мертвых. Этого не может предвидеть никакая наука. В больнице паника. Неверующие повергнуты в ужас. У меня голова кружится от радости. Разрешите мне присесть. Только на минутку.

Швиттер. Пожалуйста.

Священник Лютц садится возле круглого стола.

Священник Лютц. Вы должны меня извинить. Чудо, волнение, непосредственная близость всемогущего — я буквально вне себя. Будто небеса раскрылись, и благословение божие снизошло на нас. Ничего, если я чуть-чуть расстегну воротник?

Швиттер. Прошу вас, не стесняйтесь. *(Открывает второй чемодан.)*
Восстал! Я! Из мертвых! Вот потеха!

Священник Лютц. Свят, свят бог Саваоф!

Швиттер. Да бросьте вы, наконец, причитать.

Священник Лютц. Бог избрал вас, господин Швиттер, чтобы слепые узрели, а безбожники уверовали.

Швиттер. Фу, какая безвкусица! *(Продолжает жечь.)*

Священник Лютц. Но ваша душа...

Швиттер. У меня нет души, на нее не хватило времени. Если каждый год писать по книге, можно с ходу проститься со всякой духовной жизнью. И тогда появляетесь вы, отец Лютц. Допустим, это ваша профессия. Ну и что? Все равно разлагаешься на составные части — воду, сало и минеральные соли, а вы талдычите насчет бога и его чудес. Зачем? Чтобы я считал себя безвольным орудием бога? Чтобы я укреплял вашу веру? Я хочу честно умереть, без всяких фокусов и литературщины. Мне ничего не надо, только еще раз увидеть рассвет, почувствовать чистое дуновение утра, я хочу еще хоть одну минуту прожить подлинной жизнью, хоть на секунду познать всю полноту бытия сего дня. *(Встает.)* Мое состояние сторело.

В дверях появляется запыхавшаяся Августа.

Августа. Вот коньяк, господин Швиттер.

Швиттер. Давайте сюда.

Августа. Пожалуйста, господин Швиттер. *(Исчезает. Он смотрит ей вслед.)*

Швиттер. Прелестный зверек. *(Садится в кресло, откупоривает бутылку, пьет.)* Хорошо! *(Берет со стола шляпу и подает ее священнику.)*
Ваша шляпа.

Священник Лютц. Большое спасибо. *(Берет шляпу, но продолжает сидеть.)*

Швиттер. Как это мило, что с вашей помощью мой полтора миллиона...

Священник Лютц. Как же могло быть иначе?

Швиттер. А теперь заворачивайте оглобли.

Священник Лютц кладет свою шляпу обратно на стол и остается сидеть.

Священник Лютц. Господин Швиттер! Мне всего сорок, но здоровье у меня подорвано. Моя жизнь в руках божьих. Мне уже давно следовало быть в церкви, да и вечерняя проповедь еще не готова. Но у меня совсем нет сил, я так измучен, так безмерно устал... Если б я мог немного прилечь... хоть на секунду...

Швиттер. Пожалуйста. *(Пьет.)* Я не намерен никуда отсюда двигаться.

Священник Лютц. Потрясение было мне не по силам. *(Бредет к постели и садится.)* Может быть, я лучше сниму туфли? *(Начинает расшнуровывать туфли.)* На одну минутку. Пока не пройдет сердцебиение...

Швиттер. Чувствуйте себя как дома. *(Прижимает руки к груди.)*
Сердце вот-вот выскочит.

Священник Лютц. Только спокойней.

Швиттер. Одышка — тоже не радость.

Священник Лютц. «Отче наш иже еси на небесех...»

Швиттер *(яростно)*. Не смейте молиться!

Священник Лютц *(испуганно)*. Простите.

Швиттер. Я умираю. *(Пьет.)* Не так торжественно, как было задумано, а в этом ветхом кресле. *(Пьет.)* Очень жаль, отец Лютц, но с моим воскресением ничего не вышло. *(Смеется.)* Один раз ко мне уже приходил священник, и я его тоже пожалел. Когда моя вторая жена, дочь промышленного туза, покончила с собой. Она, по-моему, проглотила целый фунт снотворного. Наш брак был пыткой — мне нужны были ее деньги, и я не хочу жаловаться задним числом. Она сделала дикую глупость, и когда она лежала бледная, бездыханная, священник был потрясен. Он пришел, когда врач еще возился с трупом, но опередил прокурора. Священник был в темном костюме, как и вы, отец Лютц, и примерно ваших лет. Он стоял около ее постели и не сводил глаз с покойницы, а потом сидел в зале, скрестив руки. Он, кажется, хотел что-то произнести, может быть, библейское изречение, но так ничего и не сказал, а я пошел к себе в комнату выпить хорошего коньяку и стал писать рассказ о том, как ученики сельской школы забили насмерть молодого учителя-идеалиста, а крестьянин раздавил его трактором, чтобы скрыть преступление. Посреди села. Перед школой. И все это видели. И полицейский тоже. По-моему, это мое лучшее произведение, а когда я под утро, шатаясь, вышел в зал, усталый как собака, священника там уже не было. Жаль. Он был такой беспомощный, этот священник. *(Пьет.)*

Священник Лютц между тем снял туфли и лег на кровать.

Священник Лютц. Да, я никуда не гожусь. Когда я читаю проповедь, прихожане спят. *(Дрожит.)*

Швиттер. Может, он вовсе и не был священником. Может, он был любовником моей второй жены. Может, вообще у нее было много любовников. Удивительно, что до сегодняшнего дня я ни разу не подумал о такой возможности. *(Пьет.)*

Священник Лютц. Вдруг стало отчаянно холодно.

Швиттер. Меня тоже познабливает.

Священник Лютц. Бог был совсем рядом, а теперь снова далеко.

Швиттер. Я хотел уйти из жизни хоть с каким-то человеческим величием, а вот взял и напился. *(Пьет.)*

Священник Лютц. Вы не верите в свое воскресение.

Швиттер. Это была только мнимая смерть.

Священник Лютц. Вы хотите умереть.

Швиттер. Должен. *(Пьет. Стукнув бутылкой об стол, откидывается в кресле.)*

Священник Лютц. Да помилует вас бог.

Молчание. Священник Лютц складывает на груди руки.

Я верю в ваше воскресение. Я верю, что господь совершил чудо. Я верю, что вы будете жить. Бог Саваоф читает в моем сердце. Как тяжело, что мы знаем о Христе, пожертвовавшем за нас жизнью, и о его воскресении только по Евангелию и не имеем никаких других доказательств, кроме веры. Его апостолам было легче, говорю это с полным уважением. Бог жил среди них. Он совершал у них на глазах чудо за чудом. Он исцелял слепых, паралитиков и прокаженных. Он шествовал по водам и воскрешал мертвых. Но когда сын человеческий воскрес, то Фома, который всегда сомневался, дерзнул вложить персты в его раны. Тогда не трудно было верить. Но все это было давно. Обещанное нам царство божие так и не настало. Мы жили во мраке, не имея ничего, кроме надежды. Только она питала нашу веру. Этого было мало, господи. И наконец-то ты сжалился надо мной. Я увидел твой свет. Сжался же, господи, и над теми, кто не может узреть твоего могущества, потому что таинство ослепило их.

Тишина. Дверь медленно отворяется. Входит Августа.

Августа (*тихо*). Господин Швиттер!

Тишина.

(*Чуть громче*)... Господин Швиттер!

Тишина. Августа, крадучись, входит в мастерскую. В дверь просовывается голова Ниффеншwandера.

(*Громко*.) Господин Швиттер!

Ниффеншwandер. Ну?

Августа. Никто не отвечает.

Ниффеншwandер. Погляди, что с ним.

Августа подходит к креслу и наклоняется над Швиттером. В дверях появляется привратник Глаузер — толстый, благодушный, потный мужчина.

Глаузер. Ну?

Ниффеншwandер. Моя жена смотрит, что с ним.

Глаузер. Я видел, как этот человек шел к вам, Ниффеншwandер. Он мне сразу показался подозрительным. Подумайте, в такую жару в шубе и две свечи под мышкой. Вы должны были заявить в полицию.

Августа выпрямляется.

Августа. Гуго...

Ниффеншwandер. Умер?

Августа. По-моему, да.

Ниффеншwandер. Наконец-то.

Глаузер озадачен.

Глаузер. Там лежит еще один. (*Подходит к кровати.*) Ниффеншwandер, я просто поражен!

Ниффеншwandер. Еще один?

Августа. Священник Лютц.

Ниффеншwandер. Тоже готов.

Глаузер. Я просто поражен. Я — привратник и отвечаю за порядок.

А в вашей мастерской два чужих трупа.

Швиттер, сидя в кресле, открывает глаза.

Швиттер. Бельгийский министр тоже рисовал в свободное время. (*Встает.*) В этом кресле неудобно умирать.

Августа. Господин Швиттер... (*Смотрит на него.*)

Швиттер. Уложите меня в постель. Августа! Быстро!

Молчание.

Августа (*смущенно*). Нельзя, господин Швиттер.

Швиттер. Почему?

Августа. Потому... Потому, что священник, господин Швиттер... Потому, что священник умер.

Молчание. Швиттер подходит к кровати и мрачно разглядывает священника.

Швиттер. В самом деле. (*Возвращается к креслу и снова садится.*) Уберите труп.

Молчание.

Глаузер. Господин Швиттер...

Швиттер. Кто вы такой?

Глаузер. Привратник, господин Швиттер. Сперва надо полицию...

Швиттер. Но я при смерти...

Глаузер. Смертный случай — дело надлежащих властей.

Швиттер. Я имею право лежать в постели, а не труп.

Глаузер. Я могу потерять свое место, господин Швиттер.

Швиттер. А мне наплевать. Эту постель снял я. Я — лауреат Нобелевской премии.

Молчание.

Глаузер. Хорошо. Под вашу ответственность. Мы вынесем священника в коридор.

Ниффеншвандер. Помоги, Августа.

Втроем тщетно пытаются поднять труп.

Глаузер. О господи!

Ниффеншвандер. Ничего не выходит.

Августа. Слишком тяжело.

Глаузер. А вы не поможете, господин Швиттер?

Ниффеншвандер. Вчетвером мы справимся.

Молчание.

Швиттер (*решительно*). Я к священнику не притронусь.

Ниффеншвандер. Тогда и мы тоже.

Глаузер. Придется, значит, полицию...

Швиттер. Я помогу. (*Встает.*)

Глаузер. Вы с дамой, господин лауреат Нобелевской премии, берите за ноги, а мы за плечи. Приготовились?

Ниффеншвандер. Приготовились.

Августа. Приготовились.

Швиттер. Приготовились.

Несут священника.

Августа. Осторожно.

Ниффеншвандер. Потихоньку.

Глаузер. Положим его за дверью.

Мастерская пуста. Августа вводит Швиттера.

Августа. Ну вот, господин Швиттер, ну вот. Кровать опять свободна. Может, постелить чистое белье?

Швиттер. Нет.

Августа. Не снять ли вам шубу?

Швиттер. Нет. (*Бросается в шубе на постель.*) Убирайтесь.

Августа. Но мои близнецы... Они должны...

Швиттер. Вон!

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Швиттер. Августа, вы мне все больше нравитесь.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Августа уходит. Швиттер лежит неподвижно, скрестив на груди руки. Внезапно он вскакивает с постели.

Швиттер. Проклятые картины.

Переворачивает картину с изображением нагой женской натуры к стене, затем и другие картины того же содержания. Персобирается с кресла на комод и пытается перевернуть висящее над ним полотно. Дверь открывается. Входит Мюгейм — восьмидесятилетний, полный жизни земельный маклер, крупный подрядчик и домовладелец.

Мюгейм. Эй! Тут кто-нибудь есть?! (*Видит Швиттера на комод.*) Эй! Перед вашей дверью лежит труп.

Швиттер. Знаю.

Мюгейм. Это ваш труп?

Швиттер. Нет. (*Все еще тщетно пытается перевернуть картину.*)

Мюгейм. Как он оказался перед вашей дверью?

Швиттер. Он лежал в постели, а постель мне нужна самому.

Мюгейм. А если я вас попрошу объяснить... (*Шумно вздыхает.*) Господи боже мой, кто же этот покойник?

Швиттер. Настоятель церкви святого Иакова. Умер от волнения.

Мюгейм. Друг мой, это и со мной может случиться.

Швиттер. Прошу вас, не надо. *(Слезает с комода.)* Не получается. *(Идет к постели, снимает шубу, бросает ее на кровать и ложится.)*

Великий Мюгейм, владелец этой ужасной казармы, хозяин этой вшивой мебели и этой жалкой кровати,— вас мне только не хватало.

Мюгейм. Вы меня знаете, дружище?

Швиттер. Сорок лет назад я жил в этой мастерской со своей первой женой. Она была здоровенная, плотоядная, рыжая и малограмотная.

Мюгейм. Не помню.

Швиттер. Мы были бедны, Великий Мюгейм.

Мюгейм. Искусство любила моя жена, а не я.

Швиттер. Вот уж верно — любила.

Молчание.

Мюгейм. Минутку, дружище, минутку. *(Вытаскивает стул на середину мастерской и садится.)* На что вы намекаете?

Швиттер. Ни на что.

Мюгейм. Говорите, раз начали.

Швиттер. Первого числа каждого месяца я приносил вашей жене квартирную плату и мы ложились в постель, после чего я мог унести сотню обратно.

Молчание.

Мюгейм. Сотню?

Швиттер. Сотню.

Молчание.

Мюгейм. И долго?

Швиттер. Два года.

Мюгейм. Каждый месяц?

Швиттер. Каждый.

Мюгейм. Моя жена умерла пятнадцать лет назад.

Швиттер. Сочувствую.

Мюгейм встает, подходит к комоду и переворачивает к стене картину с изображением нагой женской натуры.

Мюгейм. Женщин рисовать трудно.

Швиттер. Прошу вас, переверните их все.

Мюгейм молча переворачивает картины, потом вдруг кричит.

Мюгейм. Дружище! Вы говорите правду?

Швиттер. К чему лгать?

Молчание.

Мюгейм. Кто вы такой?

Швиттер. Вольфганг Швиттер.

Мюгейм *(с изумлением)*. Лауреат Нобелевской премии?

Швиттер. Он самый.

Мюгейм. Однако в дневном выпуске последних известий сообщалось...

Швиттер. Преждевременное сообщение.

Мюгейм. Потом целый час передавали классическую музыку.

Швиттер. Сожалею...

Мюгейм. Но как же...

Швиттер. Я удрал из больницы, чтобы здесь умереть.

Мюгейм. Чтобы здесь... *(Озирается.)* Мне надо выпить. *(Идет к столу в нише, приносит бокал и наливает себе коньяк.)* Если бы все не было так пошло. *(Смотрит в одну точку.)* Каждый месяц.

Швиттер. Иначе мы бы просто умерли с голоду.

Мюгейм. За сотню.

Швиттер. Которую вы бы мне никогда не скинули.

Мюгейм. Я никогда никому не делаю скидок. *(Пьет.)*

Швиттер. Моя жена следовала моему примеру, падаль этакая. Она, вдобавок, обманывала меня с мясником, а я ел лучшие бифштексы в моей жизни. *(Смеется.)* Я после этого женился еще три раза, и каждая следующая была красивее предыдущей. Вот в чем моя ошибка, Мюгейм. В конце концов я взял в жены «девушку на час». И она оказалась самой лучшей из всех.

Мюгейм. Еще три раза! *(Пьет.)*

Швиттер. Убирайтесь вы наконец. Вы провоняли всю мастерскую. Ваше присутствие портит мне жизнь.

Мюгейм. Пусть. *(Пьет.)* Швиттер, мне восемьдесят.

Швиттер. Поздравляю.

Мюгейм. Я совершенно здоров.

Швиттер. Не сомневаюсь.

Мюгейм. Я вышел из нищеты. Мой отец был разносчиком. И я должен был таскаться с ним. Я продавал сапожные шнурки, Швиттер, сапожные шнурки, пока не додумался сносить здания. Тогда я основал строительную фирму. Я никогда не важничал. Но изображать социального апостола мне тоже было не к лицу. А теперь я достиг всего. Политические партии у меня в кармане. Я нажил много врагов, а друзья меня боятся. Но моя личная жизнь... *(Вынимает сигару.)* Без счастливого брака больших дел не своротишь, без женской верности и мошенничать трудно, без душевной теплоты умрешь под забором. *(Хочет закурить сигару.)*

Швиттер. Не курите. Ведь я умираю.

Мюгейм. Простите. Конечно. *(Прячет сигару.)* Раньше женщины кидались мне на шею, но ни одна ничего не добила. Я был верен своей жене даже после ее смерти, можете мне поверить. Но я убил бы свою жену, знай я то, что знаю теперь, и вас тоже, Швиттер, вас тоже... Да я бы и сейчас вас... если бы вы... *(Снова садится.)* Но умирающий неприкосновенен.

Швиттер. Не стесняйтесь.

Мюгейм. Я мог бы вас разорвать в клочья.

Швиттер. Действуйте, я готов.

Мюгейм. Раскрошить...

Швиттер. Валяйте спокойно.

Мюгейм. Боже мой, как часто она меня обманывала!

Швиттер. Да уж, несколько дюжин любовников было наверняка.

Мюгейм вперил взгляд в пустоту.

Мюгейм. Она, должно быть, была ненасытна.

Входит Ольга. Ей девятнадцать лет, она красива, одета в черное, запыхалась. Это четвертая жена Швиттера. Он в испуге садится.

Швиттер. Вот и «девушка на час».

Ольга. Швиттер...

Швиттер. Какая незадача.

Ольга. Ты жив!

Швиттер. Знаю, все идет медленно, томительно...

Ольга. Перед дверью... священник...

Швиттер. Инфаркт.

Ольга. Я закрыла тебе глаза.

Швиттер. Как любезно.

Ольга. Я сложила на груди твои руки.

Швиттер. Мило.

Ольга. Я разложила цветы и венки.

Швиттер. Когда я пришел в себя, я это заметил.

Ольга. Я поцеловала тебя на прощание.

Швиттер. Очень приятно.

Молчание.

Ольга. Прости, что я только сейчас... Я... Я была без памяти, когда ты вдруг больше не... Профессор Шлаттер не позволил мне сразу...

Швиттер. Понимаю.

Ольга. Ну, теперь все хорошо.

Швиттер. Конечно.

Ольга. Я остаюсь с тобой.

Швиттер. Уважаемая Ольга. Уже год я лежу на смертном одре. Уже год меня каждый раз спасают в последнюю минуту. С меня хватит. Я лихо удрал от этой орды осатанелых врачей и хочу наконец спокойно умереть, без термометра во рту, без какого-нибудь подключенного ко мне аппарата, без толпы людей вокруг моей постели. Поэтому уходи! Мы долго прощались друг с другом, десятки раз, и это становится просто смешно. У тебя есть здравый смысл, так беги без оглядки. Прощай. *(Натягивает себе простыню на голову.)*

Мюгейм встает.

Мюгейм. Я уйду. *(Кланяется Ольге.)* Мюгейм. Великий Мюгейм. *(Идет к дверям.)* Я мог бы его убить. Но умирающий для меня — святыня. *(Уходит.)*

Молчание. Швиттер высовывает голову из-под простыни.

Швиттер *(зло)*. Ты еще здесь.

Ольга. Я твоя жена.

Швиттер. Моя вдова. *(Садится.)* Я не вынесу больше этой церемонии. Отдерни портьеры.

Она раздвигает портьеры. В мастерскую врывается яркое солнце.

Открой окно.

Она открывает.

Туфли священника! *(Встает с постели, хватая с пола стоящие около кровати туфли священника, а со стола — шляпу.)* Шляпа священника! *(Выбрасывает туфли и шляпу за дверь.)* Потуши эти проклятые свечи.

Она тушит.

Этот ханжеский погребальный полумрак возвращает мне здоровье. Мне нужно солнце, чтобы умереть. Я должен задохнуться в этом пекле. Я должен расплавиться. Я должен иссохнуть. Во мне еще слишком много жизни. *(Хочет сесть в кресло и видит свои туфли.)* Мои туфли. Они мне тоже не нужны. *(Выбрасывает туфли за окошко, садится в кресло.)* Смешно. Меня все время тянет в это кресло. *(Хочет выпить.)* Пусто. *(Ставит бутылку обратно на стол.)*

Близнецы начинают плакать.

Августа!

В дверях появляется Августа.

Августа. Господин Швиттер?

Швиттер. Близнецы пищат. Быстро!

Августа. Сию минуту, господин Швиттер. *(Выкатывает детскую кроватку из мастерской.)* Тише, Ирма, тише, Рита... *(Останавливается в дверях.)* Может, мне и пеленки...

Швиттер. Вон! И коньяку! Еще бутылку!

Августа. Пожалуйста, господин Швиттер. *(Исчезает.)*

Ольга. Тебе нужна шуба?

Швиттер. Нет.

Ольга. У тебя еще что-нибудь болит?

Швиттер. Нет.

Ольга. Это был дурной сон. Не надо верить врачам.

Швиттер. А что делать?

Ольга. Они сказали мне еще год назад, что ты должен умереть.

Швиттер. Это мне, между прочим, и самому приходило в голову.

Ольга. Они сказали это и твоему сыну, а он рассказал это каждой девке, в каждом баре. Повсюду только и говорили что о твоей смерти, хотя сам ты еще не потерял надежды. А ко мне относились так, будто ты уже умер. Со мной обращались как с потаскухой...

Швиттер. Ты, кстати, ею и была.

Молчание.

Твое проклятое смирение выводит меня из себя.

Ольга. Прости.

Швиттер. Я не верю, что какой-нибудь мой друг из ложного уважения ко мне тобой не воспользуется.

Ольга. Я никому не давала собой пользоваться.

Швиттер. Твой долг был не в том, чтобы оставаться мне верной. Твой долг был говорить мне правду.

Ольга. Я боялась себя.

Швиттер. Я тоже боялся себя. Это низкий страх. Я не знал правды, потому что боялся ее узнать, не то чтобы я ее уже разгадал, но теперь я ее знаю, она стала слишком очевидной — мое тело воняет до небес.

Ольга. Я не могла ничем тебе помочь. Я видела, как ты слабеешь. Видела, как врачи тебя мучают. И не могла вмешаться. Я была словно парализована. Все попросту шло своим чередом. А сегодня утром, когда я стояла у твоей постели и священник молился, а профессор осмотрел тебя и сказал, что ты мертв,— я не проронила ни слезы. Я была мужественной, потому что ты был мужественным. Но ты снова жив.

Швиттер. Только не приходи ко мне со всей этой чепухой.

Ольга (*тихо*). Если я тебя еще раз потеряю, я не смогу больше жить.

В дверях появляется Августа.

Августа. Коньяк, господин Швиттер.

Швиттер. Давно пора!

Августа. Пожалуйста, господин Швиттер.

Швиттер. Налейте!

Августа. Сейчас, я принесу чистый стакан.

Швиттер. Вздор.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Швиттер. До краев.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Швиттер. Убирайтесь вон! Быстро!

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер. (*Исчезает.*)

Швиттер. Единственное существо, которое я еще выношу. (*Пьет.*)

Марш отсюда, наконец.

Ольга. Я не уйду.

Швиттер. Ты стала мне в тягость. (*Пьет.*)

Ольга. Не пей так много.

Швиттер. На прощание полезно напиться.

В дверях появляется майор Армии спасения Фридли в полной форме и разглядывает Швиттера

Майор Фридли. Он жив! Он жив! Он жив! (*Исчезает.*)

Швиттер. Сумасшедший.

Ольга. Эта страшная больница, жуткая мастерская, мертвый священник... пойдем лучше домой.

Швиттер. Умереть я хочу в этом доме.

Ольга. Ты не можешь умереть. Я не знаю, что произошло, но ты будешь жить.

Швиттер. Жизнь мне отвратительна. Я был беспечен, когда начинал писать. У меня в голове не было ничего, кроме моих вымыслов, я был всегда пьян и презирал общество. Потом пришел успех, премии, почет, деньги, роскошь. Я стал вести себя приличнее. Я полировал свои ногти и свой литературный стиль. Моя первая жена отдалась портному, чтобы он мне сшил синий костюм, две следующие отдавались только литературе, чтобы добыть мне славу и положение, а я в это время выбивался из сил, чтобы окончательно стать классиком. Нобелевская премия дала все остальное... Но писатель, которого превозносит наше общество, всегда будет продажным писакой. Поэтому я подцепил тебя. Со злости. *(Пьет.)* Со злости на себя, со злости на весь свет. Старик решил напоследок взбунтоваться. Ты была черт знает как умела! На несколько недель ты снова пробудила во мне силы, и это было великолепно, но потом я угодил в больницу, и все лопнуло. Точка. Можешь собирать вещички. Ты представительница самой честной из всех существующих профессий, ты самая красивая и самая порядочная «девушка на час». Вернись к своему ремеслу, сделай одолжение! Наш брак тебя прославил, твои портреты печатались во всех газетах, картины, где ты изображена обнаженной, ходят по всему миру, твоя цена подскочила до небес. Ты — мой подарок обществу. Цезарь завещал людям свои сады, а я — свою девку!

В мастерскую входит Йохен Швиттер, тридцати пяти лет.

Йохен. Отец! Смотри-ка! Восстал!

Ольга *(укоризненно)*. Йохен!

Йохен. Привет, мачеха. Вот не думал тебя еще раз увидеть.

Швиттер. Что тебе здесь надо?

Йохен *(подумав)*. Мои полтора миллиона.

Швиттер. Твои?

Йохен. Я твой наследник.

Швиттер. Возможно.

Йохен. Законный наследник, старик.

Швиттер. Вот это ты знаешь.

Йохен. Я, между прочим, два семестра зубрил право.

Швиттер. Слушаем тебя.

Йохен. Итак? Где деньги?

Швиттер. В банке.

Йохен. Врешь.

Молчание.

Я иду из банка. Ты велел принести деньги в больницу. Но и там их нет.

Молчание.

Что, не ожидал?

Швиттер. Ловко.

Йохен. Моя мать по твоей милости лишилась жизни, а я зато получаю твое состояние.

Швиттер. Ты в этом уверен?

Йохен. Уверен. *(Берет сигарету.)*

Ольга. Йохен, не смей здесь курить.

Йохен. Успокойся, мачеха. От этого твой муженек только поздоровет. *(Закуривает.)* Итак? Где деньги? *(Пускает Швиттеру дым в лицо.)*

Швиттер. В чемодане. *(Пьет.)*

Йохен. Смотрите, отвечает вполне учтиво. *(Ставит чемодан на стол.)* Не заперт. Легкомысленно, дорогой Крез. *(Открывает чемодан. Изумленно.)* Пусто. *(Идет ко второму чемодану и открывает его.)* Пусто. *(Смотрит на Швиттера.)*

Швиттер. Бутылка тоже пуста. *(Ставит бутылку на стол.)*

Йохен *(жестко)*. Прекрасно. Спор придется вести на ножах. Значит, твоя цыпочка припрятала мои полтора миллиона на стороне.

Швиттер. Ты думаешь?

Йохен. Думаю.

Швиттер. На твоём месте я поискал бы в печке.

Йохен наклоняется и открывает печку. Молчание.

Йохен *(тихо)*. Сгоревшие бумажки.

Швиттер. Моя последняя рукопись и мои полтора миллиона.

Йохен. Пепел. *(Судорожно роется в печке.)*

Швиттер. Вот теперь я в самом деле иду умирать. *(Встает и, пританцовывая, делает несколько шагов.)* Невероятно. Именно сейчас я себя превосходно чувствую.

Йохен. Зола еще горячая.

В дверях просовывается голова Ниффеншwandера.

Ниффеншwandер. Господин Швиттер...

Швиттер. Я здорово накачался.

Ниффеншwandер. Полиция увезла священника.

Швиттер. Убирайтесь! *(Прыгает на кровать. Срывает пеленки.)* Вон, вместе с вашими пеленками! Вон! Вон!

Ниффеншwandер. Пожалуйста, господин Швиттер. *(Испуганно исчезает.)*

Швиттер. Долой! Мне все это напоминает о жизни, о супружестве, о деторождении. Долой эти тряпки. Я не желаю больше дышать мочой ваших младенцев. Хочу тления, хочу запаха могилы, хочу дыхания вечности. *(Срывает остальные пеленки и садится на постели, как Будда.)*

Йохен. Сжег. *(Встает. Держит в горстях пепел.)* Полтора миллиона.

Швиттер. Они весело горели.

Йохен. Почему ты их уничтожил?

Швиттер. Сам не знаю.

Йохен. Были же у тебя основания?

Швиттер. Захотелось.

Йохен. У меня долги.

Швиттер. Модные шлюхи стоят дорого.

Йохен. Дошло.

Молчание.

Точный удар. А я рассчитывал на твои деньги.

Швиттер. Глупый расчет.

Йохен. Иногда ты меня ненавидел. А вообще тебе на меня наплевать. И тебе наплевать, что мне крышка.

Швиттер. И мне крышка.

Йохен. Ты бесчеловечен!

Швиттер. А смерть вообще бесчеловечна.

Йохен. Так умри, наконец. *(Идет к двери.)* Доставь мне это удовольствие! Будь любезен, старик. Хоть раз в жизни. Умри, наконец.

Когда тебя не станет, я смогу жить. И я стану молодчиной, говорю тебе, настоящим молодчиной.

Швиттер. Ступай!

Йохен. В кабак. *(Смеется.)* На худой конец мне останутся твои гонорары. *(Исчезает.)*

Швиттер смотрит на Ольгу.

Швиттер. Ты еще здесь?

Ольга. Я ухожу.

Швиттер. Здорово я... *(Задумался.)* Я много?...

Ольга. Две бутылки коньяку.

Швиттер *(оживляясь)*. Ничего себе! *(Задумчиво рассматривает Ольгу.)* Я был очень гадок?

Ольга. Нет.

Швиттер. Значит, гадок.

Молчание.

Потому что я умираю.

Ольга. Потому что ты снова живешь.

Швиттер. Тебе надо оглядеться, малютка. *(Смеется.)* Все мое состояние сгорело в печке.

Ольга. У меня есть кое-что на стороне.

Швиттер. Догадываюсь. *(Смеется.)* Нам было хорошо, малютка. Несколько недель.

Ольга. О да!

Швиттер. Мы хохотали так, что стены дрожали.

Ольга. И не раз.

Швиттер. Мы пили так, что пол ходил ходуном.

Ольга. И еще как.

Швиттер. Мы любили друг друга так, что земля тряслась.

Ольга. С тобой было хорошо. *(Уходит.)*

Швиттер лежит как мертвый. В дверях появляется Августа.

Августа. Господин Швиттер.

Тишина.

Августа *(громче)*. Господин Швиттер!

Швиттер. Августа? *(Смотрит в окно.)* Августа.

Августа. Пеленки валяются на полу.

Швиттер. Мне очень жаль...

Августа. Ничего, господин Швиттер. *(Вынимает из-за ширмы коробку и укладывает туда пеленки.)* У вас красивая жена, господин

Швиттер.

Швиттер. Была.

Августа. Она стоит внизу и плачет.

Швиттер. Ей девятнадцать лет.

Августа. Могу я вас кое о чем спросить, господин Швиттер?

Швиттер. Спрашивай.

Августа. Наверно, таланта к живописи у Гуго-то и нет?

Швиттер. Нет.

Августа ставит коробку на стол.

Августа. Ну вот, собрала пеленки.

Швиттер. Запри дверь. Быстро!

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер. *(Запирает дверь.)* Заперла.

Швиттер по-прежнему смотрит в окно.

Швиттер. Задерни портьеры.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер. *(Задерживает портьеры.)*

Швиттер. Иди ко мне.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер. *(Спокойно идет к нему.)*

Снаружи Ниффеншвандер начинает стучать в дверь.

Ниффеншвандер. Августа!

Швиттер. Ближе!

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Ниффеншвандер *(стучит)*. Августа, открой!

Швиттер. Меня знобит.

Августа. Надо вашей шубой...

Швиттер. Раздевайся.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Ниффеншвандер. Открой, Августа! Открой! *(Колотит в дверь.)*

Швиттер. Ложись.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Ниффеншвандер беспрерывно колотит в дверь

Ниффеншвандер. Открой! Открой!

ВТОРОЙ АКТ

Мастерская Ниффеншвандера час спустя. На постели под венками лежит усопший наконец Швиттер. Вокруг постели различные люди в черном, среди них знаменитый критик Фридрих Георген Слева в кресле сидит Карл Конрад Коппе — издатель Швиттера, ему 65 лет, он чисто выбрит, элегантен. На заднем плане Ниффеншвандер и Глаузер. Августа сначала у смертного одра, затем вновь пришедшие оттесняют ее в глубину. Тут же бродят журналисты, которые фотографируют, освещая все яркими вспышками. Портьеры перед нишей снова задернуты, снова горят свечи.

Фридрих Георген. Друзья, Вольфганг Швиттер мертв. Вместе с нами скорбит вся страна, весь мир; он стал беднее на одного человека, который делал его богаче. Его смертное тело лежит под этими венками, на этой постели. Послезавтра его торжественно опустят в могилу, с той пышностью, какая положена лауреату Нобелевской премии. Но мы, его друзья, переживаем это горе сдержанно, сосредоточенно, молча. Нам нет нужды выражать дешевые похвалы и слепое восхищение; любовь и понимание указывают нам путь. Только на этом пути сможем мы оценить нашу великую потерю. Он отстрадал свое. Его смерть потрясла всех, и то, что он умер здесь, в своей старой мастерской, имеет глубокий смысл. Не дух, а жизненная сила покинула его. Он, который всегда отвергал трагическое, сам пришел к трагическому концу. В мрачном отсвете погребальных свечей мы его увидели, быть может, впервые с такой удивительной ясностью, как последнего отчаявшегося человека нашего времени, который пытается это отчаяние преодолеть. Для него не существовало ничего, кроме жестокой действительности. Поэтому он так жаждал справедливости, так тосковал по братству людей. Тщетно. Только тот, кто верит в светлый смысл темных явлений жизни, познает несправедливость, которая существует в нашем мире, как нечто неизбежное, вступает с ней в бессмысленную борьбу и в конце концов с нею примиряется. Но Швиттер оставался непримиримым. Ему не хватало веры, ему не хватало также и веры в человечность. Он был моралистом, выросшим на отрицании всех духовных ценностей. Он оставался бунтарем, бунтарем в безвоздушном пространстве. Его творчество было выражением внутренней безысходности, а не образом реальной действительности; его пьесы несли не правду жизни, а уродливое ее смещение. В этом его

ограниченность. Швиттер оставался крайним субъективистом в высшем смысле этого слова, но его искусство не исцеляло, а ранило душу. Однако мы, любившие его и поражавшиеся его искусству, должны теперь преодолевать это искусство, для того, чтобы оно стало необходимой ступенью на пути к утверждению сущего, которое наш бедный друг отрицал и в величественную гармонию которого он теперь погрузился.

Коппе встает и пожимает Георгену руку.

Коппе. Фридрих Георген, я благодарю вас.

Остальные прощаются с покойным и удаляются. Их фотографируют, все освещается вспышками.

Георген. Вы его издатель, Коппе. Примите мои соболезнования.
(Кланяется.)

Коппе. Ваша речь появится в газете?

Георген. Еще сегодня вечером.

Коппе. Крепко! Он был моралистом, выросшим на отрицании духовных ценностей? Бунтарь в безвоздушном пространстве? Его пьесы несли не правду жизни, а уродливое ее сгущение? Блестяще сказано, но как зло и беспощадно!

Георген. Я не собирался говорить зло, Коппе.

Коппе. Собирались, и еще как зло, Георген. (Кладет ему руку на плечо.) Ваше бесстыдство было неподражаемо. Вы благоговейно разодрали в клочья нашего дорогого Швиттера на его смертном одре. Это произвело впечатление. Как писатель, он человек конечный—еще одно дешевое издание, и его забудут. Жаль. Он был куда искренней, чем вы думаете. И еще одно: ваше глубокомыслие заслуживает уважения, Георген, но, между нами говоря, ваша речь—просто чушь. Швиттер никогда не впадал в отчаяние; достаточно было поставить перед ним отбивную котлету и посулить приличный гонорар, и он был счастлив. Пойдемте отсюда. Это место действует на меня угнетающе. Я должен собрать родственников Швиттера, у меня есть что им сообщить.

Коппе и Георген, а также журналисты уходят. Августа, Ниффеншвандер и привратник остаются.

Глаузер. Вот и все. Проветрим. (Раздвигает портьеры.)

За окном все еще знойный день. Глаузер гасит свечи.

Сколько вам заплатили, Ниффеншвандер, за то, что он здесь умер?

Ниффеншвандер. Двести. А издатель—двадцать.

Глаузер. Маловато. Всего доброго, госпожа Августа. Скоро ваша мастерская снова будет в порядке. В такую жару покойников хоронят быстро. (Уходит.)

Ниффеншвандер снова переворачивает картины.

Ниффеншвандер. Какая наглость! Перевернуть картины к стене! Будто я начинающий. Раз в жизни ко мне в мастерскую попали издатели и критики, чтобы поглазеть на покойника,—и никто не увидел ни одной моей картины. Работаешь столько лет... (Влезает на комод, чтобы перевернуть картину. Задумывается.) Августа! (Смотрит на покойника.) Раздевайся. Я нарисую тебя возле смертного одра. Жизнь и смерть. Дыхание жизни и погребальные венки.

Августа. Не хочу.

Ниффеншвандер. Августа!.. (С изумлением тарачит на нее глаза.)

Августа (спокойно). Я не хочу.

Ниффеншвандер растерянно садится на комод.

Ниффеншвандер. Августа, ты первый раз отказываешься мне позировать.

Августа. С этим кончено.

Молчание.

Ниффеншвандер. Но жизнь, Августа... Я ведь хочу только воспеть жизнь, невиданную, могучую, великолепную жизнь...

Августа. Знаю.

Ниффеншвандер *(со страхом)*. Августа, я полчаса колотил в дверь, и ты не открывала.

Августа. Знаю.

Ниффеншвандер. Дверь была заперта.

Августа. Знаю.

Ниффеншвандер. А когда ты, наконец, открыла, он был мертв.

Августа *(равнодушно)*. Он умер в моих объятиях, и мне надо было одеться. *(Смотрит на покойника.)* Я была с ним в постели, когда он умер.

Молчание.

Ниффеншвандер. Однако... *(Беспомощно сидит на комодке.)*

Августа. Я горжусь тем, что была его последней возлюбленной. *(Начинает собирать свои вещи.)*

Ниффеншвандер. Ты не могла, Августа, ты не могла!

Августа. Могла.

Ниффеншвандер. С умирающим!

Августа. Он был мужчиной.

Ниффеншвандер. Тебе не стыдно?!

Августа. Нет.

Ниффеншвандер *(кричит)*. Я ведь хотел только отобразить действительность!

Августа. Я сыта твоей живописью.

Ниффеншвандер. Но ты веришь в меня, Августа, ты одна на всем свете веришь в меня, мы держались друг за друга. Какие бы беды...

Августа. Я была для тебя только натурщицей. *(Встает.)* Между нами все кончено.

Ниффеншвандер по-прежнему беспомощно сидит на комодке.

Ниффеншвандер. Но это невыносимо...

Августа. Я ухожу.

Ниффеншвандер. Наши дети...

Августа. Я их беру с собой. *(Останавливается на мгновение возле покойника.)*

Ниффеншвандер. Этого не может быть, Августа.

Августа. Прощай. *(Уходит.)*

Ниффеншвандер. Августа! *(Стучит кулаком по комоду.)* Вернись, Августа! Я тебя прощаю!

Молчание.

Это безумие, Августа! Ты не можешь меня бросить. Из-за мертвеца!

На постели поднимается Швиттер. Он в пышном саване. Подбородок подвязан полотенцем. На шее — погребальный венки. Он снимает с головы полотенце.

Швиттер. Кровать стоит не на месте.

Ниффеншвандер. Вы... Вы... *(Таращит на Швиттера глаза.)*

Швиттер. Кровать стояла там, где теперь стол, а стол стоял там, где теперь стоит кровать. *(Спускает ноги с постели.)* Поэтому я не могу умереть. *(Снимает венки через голову.)* Опять эти венки. Они

просто меня преследуют. (*Встает с постели.*) За дело. Кровать надо переставить.

Ниффеншвандер, все еще в замешательстве, сидит на комод.

Сперва отодвинем в сторону стол и стул.

Ниффеншвандер (*задумчиво*). Вы спали с моей женой.

Швиттер. Бельгийский министр тоже спал с моей третьей женой.

Ниффеншвандер. Какое мне дело до вашего бельгийского министра?

Швиттер. Вы похожи. Помогайте!

Тащит стол в глубину сцены. Ниффеншвандер нехотя ему помогает.

Ниффеншвандер. Ваша смерть была только уловкой!

Швиттер берет за кресло.

Это изощренный обман.

Несут кресло в глубину мастерской.

Подлая комедия. Адский трюк.

Швиттер. Держите! (*Бросает Ниффеншвандеру стул.*) Теперь кровать.

Ниффеншвандер. Вы разрушили мою семью.

Швиттер. Вы тяните, а я буду толкать.

Ниффеншвандер. Она меня бросила.

Швиттер. Это не имеет никакого значения.

Ниффеншвандер. Для меня это имеет значение.

Швиттер. Мне бы ваши заботы, Ниффеншвандер. Я все умираю, умираю, жду не дождусь в этой нестерпимой жаре возможности отойти в вечность, прихожу в отчаяние, что развязка затягивается, а вы пристаёте ко мне со всякой ерундой.

Ниффеншвандер (*в ярости*). Но я же не умираю! (*Бросает свечу на постель.*)

Швиттер. А я умираю. (*Бросает свечу на постель.*)

Ниффеншвандер. На смертном одре не соблазняют женщин, а молятся.

Швиттер. Послушайте, Ниффеншвандер, если уж кому и надо молиться, то это вам. Молиться, чтобы вы бросили живопись. Посмотрите на свои картины. Вы отравили мне предсмертные часы. Вы хотите отображать жизнь, а рисуете свою жену так, что просто стыдно смотреть.

Ниффеншвандер. Я рисую свою жену такой, какой вижу.

Швиттер. Тогда ваша слепота безгранична. Я видел вашу жену обнаженной, как только вошел в мастерскую и потом, когда она легла ко мне. По собственному желанию, без всякого принуждения. Она отдалась мне из человечности, от избытка чувств. Она поняла, что нужно умирающему. Помогите передвинуть кровать.

Швиттер толкает кровать, Ниффеншвандер ее тянет.

Ваша жена лежала в моих объятиях. Она дрожала, извивалась, она обнимала меня, она кричала. Вот это была жизнь, а в ваших картинах ничего подобного нет. Тащите, Ниффеншвандер, тащите. Так. Кровать стоит правильно. Теперь надо переставить стол.

Они несут стол.

Ваша живопись — это пустая трата времени.

Ниффеншвандер. Мое искусство для меня святыня.

Швиттер. Искусство — святыня только для дилетантов. Вы погрязли в теории, потому что ничего не можете на практике. Ваша жена была мертвой в ваших объятиях, как она мертва на ваших карти-

нах. Ваша жена поступила правильно, что бросила вас. Теперь двигайте кресло.

Они передвигают кресло вправо.

Ниффеншвандер. Я мог бы разорвать вас в клочья!

Швиттер. Действуйте, я готов.

Ниффеншвандер. Стереть в порошок!

Швиттер. Не стесняйтесь. *(Бросает ему стул.)* Ловите. *(Озирается.)*

Моя мастерская. Опять все как было. Наконец-то я могу умереть спокойно, с достоинством, в полной сосредоточенности всех духовных сил. *(Идет к постели и ложится на венки.)* Все дело было в мебели. Великолепно, Ниффеншвандер. Смерть несется на человека, как паровоз, без остановки, вечность гудит у него в ушах, все творения вселенной с воим летят друг на друга, рушатся. Это гибель мира, итог...

Ниффеншвандер. Смерть! Все хотите умереть, а не умираете. *(Вне себя уходит в глубину мастерской и возвращается с кочергой в руке.)* Молитесь.

Швиттер. И не подумаю.

Ниффеншвандер. Сейчас сведем счеты.

Швиттер. Пожалуйста.

Ниффеншвандер. Я вас убью.

Швиттер. Я и так умру.

Ниффеншвандер. Я вас пристукну.

Швиттер. Ничего не имею против.

Входит Великий Мюгейм.

Мюгейм *(громовым голосом)*. Руки прочь от умирающего!

Ниффеншвандер. Он спал с моей женой, пока я стоял за дверью и стучался.

Мюгейм *(спокойно)*. Дайте сюда.

Ниффеншвандер покорно отдает кочергу.

Один я имею право убить Швиттера. *(Бросает кочергу в угол.)* Но я его не убью. *(Хватает Ниффеншвандера за грудь и толкает его к открытой двери. Сдержанно.)* Он спал с вашей женой, пока вы сюда стучались? Но у вас не было иллюзий. А я жил иллюзиями. Сорок лет я любил женщину, я, Великий Мюгейм, строительный магнат, и я остался одиноким, когда она умерла.

Ниффеншвандер. Господин Мюгейм...

Мюгейм. Я любил ее. Вы не знаете, что это значит, но я, в свои восемьдесят лет, я это знаю.

Ниффеншвандер. Господин Мюгейм...

Мюгейм. Жизнь — это власть, борьба, победа, унижения, злодейства. Я купался в грязи: конкуренция не знает пощады, подлейший побеждает, и я был подлейшим, но я был на это способен потому, что любил, любил безоглядно и безмерно, и это вознаграждало меня за то, что я купался в дерьме. И вот все это оказалось ложью. Знаете, кто я? Шут гороховый...

Ниффеншвандер. Что вы, господин Мюгейм...

Мюгейм. Почему вы надо мной не смеетесь? Смейтесь же, смейтесь!

Ниффеншвандер. Но я смеюсь, господин Мюгейм, я смеюсь.

Мюгейм. Куда вы лезете, художник, с вашей спесью? Вы хотите отомстить?

Ниффеншвандер. Господин Мюгейм...

Мюгейм. Великий Мюгейм этого не допустит, вы тут здорово ошиблись. Великий Мюгейм шутить не любит. У вас ущемлено тщеславие, а я убит, уничтожен, раздавлен, опозорен, измаран...

Ниффеншвандер. Господин Мюгейм...

Мюгейм. Катитесь отсюда!

Ниффеншвандер. Помогите! Господин Мюгейм... Помогите!

Мюгейм. Катитесь!

Грохот. Крик. Тишина. Мюгейм медленно возвращается, тяжело дыша, дверь осыпается открытой.

Я сбросил этого паразита с лестницы. (*Расстегивает воротничок.*)
Убийственная жара.

Швиттер. Всякий раз что-нибудь мешает. (*Берет один из венков.*)
Выбросьте венок за дверь. (*Бросает венок Мюгейму.*) От ПЕН-клуба.

Мюгейм берет венок.

Мюгейм. Туда же, куда паразита. (*Бросает венок за дверь.*)

Швиттер. От правительства. «Благодарное отечество своему великому сыну». (*Бросает венок Мюгейму. Тот выбрасывает его за дверь.*) От бургомистра. От комитета по Нобелевским премиям. От ЮНЕСКО. От союза писателей. От национального театра. От объединения издателей. От театрального общества. От кинопромышленности. От гильдии книготорговцев.

Мюгейм. Веселенькая история.

Швиттер озирается.

Швиттер. Кровать надо ближе к стене. (*Двигает кровать к стене.*)

Мюгейм. Картины я хочу опять... (*Переворачивает картины лицом к стене.*)

Швиттер. Стол — на середину. Оба старых стула... Кресло... (*Переставляет мебель.*)

Мюгейм. Швиттер, я носился в своем «кадиллаке» по всему городу. Я не обращал внимания на светофоры. Не будь я Великий Мюгейм, мои шоферские права уже лежали бы в полиции. Но я Великий Мюгейм. Я повернул назад, чтобы взглянуть на ваш труп. Я хотел многие часы любоваться вашим трупом. И тогда я понял бы, что есть высшая справедливость, почувствовал бы, что бог царит и правит в небесах.

Швиттер. Я очень сожалею...

Мюгейм. Вы живучи.

Швиттер. Я сам этого не ожидал.

Мюгейм. Ну вот, картины повернуты к стене. (*Устало садится в кресло.*) В первый раз я почувствовал все свои восемьдесят.

Швиттер (*с удовлетворением*). Теперь мне ничто не мешает. Сейчас заберусь обратно в постель и умру.

Мюгейм. Дружище, я хотел бы в это верить.

Швиттер ложится в постель и укрывается.

Швиттер. Давно пора.

Мюгейм. Еще как!

Швиттер снова оглядывает все вокруг.

Швиттер. Не знаю...

Мюгейм. Чего вам еще не хватает?

Швиттер. Мне все-таки нужна торжественность. Если бы вы поставили обе свечи к постели...

Мюгейм. Пожалуйста. (*Ставит свечи на стулья по обе стороны кровати.*) Зажечь?

Швиттер. И задернуть портьеры.

Мюгейм. Сейчас.

Зажигает свечи, задергивает портьеры. Мастерская снова принимает торжественный вид.

Все?
Швиттер. Теперь хорошо.

Мюгейм снова садится в кресло.

Мюгейм. Ну! Давайте же!
Швиттер. Потерпите.

Молчание.

Мюгейм. Ну!

Швиттер. Мюгейм...

Мюгейм. Умрете вы, наконец?!

Швиттер. Я стараюсь.

Мюгейм. Я жду.

Швиттер. Между прочим, я чувствую себя вполне прилично.

Мюгейм *(с ужасом)*. Будьте вы прокляты!

Швиттер. Но пульс... *(Щупает.)*

Мюгейм. Ну?

Швиттер. Пульс замедлен.

Мюгейм. Слава богу.

Швиттер. Потерпите.

Мюгейм. Есть у вас что-нибудь выпить?

Швиттер. Августа!

Тишина.

Августа! Быстро!

Тишина.

(Растерянно). Никого...

Мюгейм. Жена художника сбежала от своего паразита. *(Хочет заку- рить сигару, но спохватывается.)* Виноват. Прошу прощения.

Швиттер. Можете курить.

Мюгейм. Около умирающего? Нельзя.

Швиттер. Я бы сам охотно закурил.

Мюгейм. Еще бы.

Швиттер. В последний раз.

Мюгейм. Понимаю. *(Подает ему сигару.)* Гаванская.

Швиттер. Теперь это редкость.

Мюгейм. Закуривайте.

Швиттер. Спасибо.

Мюгейм. Еще один венок. *(Идет к двери, выбрасывает венок, закры- вает дверь, возвращается к креслу, садится, закуривает сигару.)*

Я был счастлив со своей женой. И то, что она с вами спала, не играет больше роли. *(Курит.)* Она умерла. И вообще. Постель — это еще не все в жизни. Кто не обманывал и кто не был обманут? Все как в крольчатнике. И, однако, это играет роль, несмотря ни на что! Я был верен жене и верил, что она платит мне той же монетой, — это вно- сило хоть каплю порядочности в мою жизнь. Но, оказывается, Вели- кий Мюгейм строил свое здание на песке, и фундамент поплыл. *(Вскакивает и бросает сигару к печке.)* Я не знаю всей правды, Швиттер, и это тоже меня смертельно мучит. С кем еще она спала? С городскими советниками? С членами строительной управы? С мо- ими адвокатами? Со своими врачами? С игроками в гольф или с чле- нами клуба верховой езды? И еще с какими художниками? Она знала всех. И почему так часто у нас в доме бывали рабочие-италь- янцы? Почему? Боже ты мой, с кем же еще спала Эльфрида?

Швиттер. Эльфрида?

Мюгейм. Эльфрида.

Швиттер. Но вашу жену звали Марией.

Мюгейм (*изумленно*). Дружище...

Швиттер. Вы жили на Амалиенштрассе?

Мюгейм (*холодно*). Милейший! Я уже пятьдесят лет живу на вилле в Ораниеналлее, и мою жену звали Эльфридой.

Швиттер. Вы уверены?

Мюгейм. Что я, идиот?

Швиттер. Недоразумение. (*Курит.*) Я никогда не знал никакой Эльфриды. Я, по-видимому, спутал вашу жену с женой домовладельца на Бертольдгассе, где я жил потом.

Мюгейм. Вы меня разыгрываете?

Швиттер. Ваша жена была вам верна.

Мюгейм. Ах ты...

Швиттер (*подумав*). Но все же... нет, ее звали не Марией... (*Садится. Продолжает курить.*) Во время агонии все в голове путается. (*Спускает ноги с постели.*) Мюгейм, может, это все же была ваша жена Ирмгард?

Мюгейм. Эльфрида.

Швиттер. Я ведь все-таки помню двух каменных львов перед вашим домом на Ораниеналлее.

Мюгейм (*рычит*). У меня нет никаких львов. У меня никогда не было львов.

Швиттер. Не было? Странно.

В мастерскую входят инспектор уголовной полиции Шафрот и профессор Шлаттер, последний в очках, с докторским чемоданчиком. Их сопровождают два полицейских и Глаузер. Трое последних вносят венки, которые выбросил Мюгейм.

Инспектор. Под лестницей лежит мужчина. Художник Гуго Ниффеншвандер. Женат. Двое детей.

Молчание. Мюгейм подходит к инспектору.

Мюгейм. Мюгейм. Великий Мюгейм.

Инспектор. Господин Мюгейм?

Мюгейм. Я спустил этого паразита с лестницы.

Молчание.

Глаузер. Господи Иисусе...

Молчание.

Инспектор. Поставьте венки к стене.

Первый полицейский. Слушаюсь, господин инспектор.

Глаузер. А господин Швиттер опять жив? (*Вместе с двумя полицейскими ставит венки к стене.*)

Второй полицейский. Поставили к стене, господин инспектор.

Инспектор. Инспектор Шафрот из городской уголовной полиции. Я попрошу вас сопровождать меня. Будет лучше, если мы поедем на вашей машине, господин Мюгейм.

Мюгейм. Зачем?

Молчание.

Шлаттер. Профессор Шлаттер из городской больницы, господин Мюгейм.

Мюгейм. Ну и что?

Молчание.

Шлаттер. Этот человек мертв.

Молчание.

Мюгейм. Я ведь его совсем легонько...

Молчание.

(Тихо.)... спустил с лестницы.

Глаузер. Сегодня после обеда это уже второй покойник, господин Мюгейм.

Мюгейм медленно подходит к Швиттеру, который продолжает курить.

Мюгейм *(беспомощно)*. Швиттер, я убил человека.

Инспектор делает знак, и двое полицейских подходят к Мюгейму.

Швиттер, вы боретесь со смертью. Ваша душа витает от нас далеко. Мы вам уже безразличны. И все же... Я должен быть уверен. Мне... Моя жена мне... с вами...

Швиттер спокойно пускает дым.

Швиттер. Не знаю.

Мюгейм. Швиттер, я столько перенес. И все же... Не мог же я зря убить...

Швиттер. Правда...

Мюгейм. Я должен знать.

Швиттер. Мюгейм... *(Просияв.)* Вспомнил! *(Смеется.)* Вся эта история выдумана, Мюгейм.

Мюгейм *(не понимая)*. Выдумана?

Швиттер. Предсмертная галлюцинация. Не надо в нее верить. Я просто принял один свой старый рассказ за действительность. Это фантазия, Мюгейм, просто фантазия. Я посылал деньги аккуратно по почте и никогда не спал с вашей...

Мюгейм *(не понимая)*. Никогда?..

Швиттер. Во всем этом правда — только история моей первой жены с виноторговцем.

Мюгейм. Но вы рассказывали про мясника...

Швиттер. Про мясника?! Это тоже возможно.

Мюгейм. Склочник и лжец.

Швиттер. Можно умереть со смеху!

Мюгейм впадает в неистовство.

Мюгейм. Кочергу! Кочергу!

Полицейские хватают его. Мюгейм вдруг успокаивается и обретает достоинство.

Простите. Я был вне себя.

Инспектор. Пожалуйста.

Мюгейм. Послушайте, Швиттер.

Швиттер. Да, Великий Мюгейм?

Мюгейм. За что вы меня погубили?

Швиттер. Случайно.

Мюгейм *(беспомощно)*. Я... я вам ничего не сделал...

Швиттер. Вольно вам было лезть к умирающему.

Молчание.

Мюгейм. Великий Мюгейм стар. Безумно стар.

Инспектор. Пошли.

Мюгейм. Пошли.

Они уводят его.

Шлаттер. Света и воздуха в эту вонючую дыру! *(Распахивает портьеры, открывает окна, гасит свечи.)*

Швиттер *(угрюмо)*. А я еще жив.

Шлаттер. Как врач, я могу оценить этот факт. Я дважды устанавливал вашу смерть, а вы курите сигару.

Швиттер. Я не виноват, что вы делаете ошибки в диагнозе.

Шлаттер. Ошибки в диагнозе!.. *(Открывает свой чемоданчик.)* В вашем случае я ни разу не ошибался в диагнозе, мой дорогой.

Швиттер. Но я, между прочим, еще не покойник.

Шлаттер. Уже не покойник.

Швиттер. Только не вздумайте и вы меня уговаривать, что я воскрес.

Шлаттер. Уж кто-кто, а я не собираюсь вас пичкать божественными объяснениями этой истории.

Швиттер. Это просто скандал, что я еще жив!

Шлаттер. Вы совершенно правы, мой дорогой. *(Достает из чемоданчика стетоскоп и садится к столу.)* Осмотрим вас еще раз. Прошу сюда.

Швиттер кладет сигару на печку и становится перед Шлаттером.

Сначала пульс.

Швиттер. Он только что был очень замедленным.

Шлаттер. Не дышите. *(Хватает его за руку.)* Как у мальчишки. *(Недоверчиво его оглядывает.)* Не напрягайтесь. *(Выслушивает его через стетоскоп.)* Дышите глубже! Еще раз!

Швиттер глубоко дышит.

Кашляните!

Швиттер кашляет.

Новобранец! *(Смотрит на него с возрастающим недоверием.)* Садитесь!

Швиттер садится в кресло.

Любопытно, какое у вас давление. *(Достает аппарат для измерения давления. Меряет.)* О, бессмертный Эскулап! *(Меряет давление.)* У меня выступил холодный пот. *(Смотрит в пространство.)*

Швиттер. Осмотрели?

Шлаттер. Осмотрел. *(Прячет аппарат для измерения давления и стетоскоп в чемоданчик.)*

Швиттер встает.

Жарко. *(Протирает очки.)* Солнце будто больше и не заходит.

Швиттер. Самый длинный день в году.

Шлаттер. День Страшного суда. *(Снова надевает очки.)* По крайней мере, для нас, врачей. Ведь я пришел сюда, дружок, чтобы ваше драгоценное тело в такую жару не разложилось.

Швиттер. Понимаю.

Шлаттер. Но до этого дело явно не дошло.

Швиттер. Вот и вы торопитесь.

Шлаттер. Медицина, мой милый, потерпела самое большое поражение за все столетие. Шумы в ваших легких и тоны вашего сердца безукоризненны.

Молчание.

У меня отвратительное настроение.

Молчание.

Просто мерзкое. *(Встает.)* И кровяное давление у вас идеальное.

Швиттер. Это ложь. Я гнию. Я разлагаюсь. Я лежу при последнем издыхании.

Шлаттер. У вас невероятный организм.

Швиттер. Вы лжете.

Шлаттер. Уважаемый мэтр, если вы мне и сейчас не верите...

Швиттер. Вы всегда лжете.

Шлаттер. Я — хирург.

Швиттер. Еще одна операция, мой дорогой, и мы в порядке, еще одно маленькое усилие, уважаемый мэтр, и самое худшее останется позади, еще несколько процедур, милейший, и вы снова будете как огурчик.

Шлаттер. При вашем безнадежном состоянии ложь была простым проявлением человечности.

Швиттер. Я не верю ни единому вашему слову.

Шлаттер. Моральных оснований вас обманывать больше нет.

Швиттер *(бурчит)*. Я умру.

Шлаттер. Несомненно, когда-нибудь.

Швиттер. Нет, сейчас.

Молчание.

Я уже много часов жду смерти.

Шлаттер. А я ее жду уже много месяцев. Но даже ваша перистальтика пришла в полный порядок.

В мастерскую входит издатель Коппе с венком в руках. Останавливается в изумлении.

Коппе. Швиттер!.. Не может быть!..

Швиттер прыгает на кровать.

Профессор Шлаттер! Он опять жив!

Шлаттер. И еще как.

Коппе. Черт побери! Можете вы объяснить...

Шлаттер. Здесь нечего объяснять.

Коппе. Но ведь вы констатировали его смерть.

Шлаттер. Вот именно.

Коппе. Во второй раз. В моем присутствии.

Шлаттер. И он был во второй раз мертв.

Коппе. Просто гениально!

Швиттер. Чего тут гениального? Подлость, и все.

Коппе. Я страшно тороплюсь. Забежал на минутку. Видит бог, я привык всякое терпеть от своих авторов. Но то, что ты позволяешь себе. Вольфганг, просто невиданно! Как ты это сумел?

Швиттер. Сам не знаю.

Коппе. Позволь я посижу возле тебя. *(Ставит венок к печке.)* От меня лично. *(Садится на край постели Швиттера.)* Передохну немного. Мне надо уходить. Банкет издателей, собрание театрального общества, юбилей Готфрида Келлера... А ты еще куришь!

Швиттер. Моя последняя сигара.

Коппе. Просто гениально! Подумать только, что в этой мастерской я тебе уже однажды закрыл глаза.

Швиттер. Как любезно!

Коппе. И сложил на груди твои руки.

Швиттер. Мило!

Коппе. Разложил цветы и венки.

Швиттер. Очень приятно.

Коппе. Скажи, ты сам переставил мебель?

Швиттер. Сам.

Коппе. Бред. Я только что встретил в баре твоего сына. Он утверждает, будто ты сжег свою последнюю рукопись.

Швиттер. Она никуда не годилась.

Коппе. И его полтора миллиона.

Швиттер. Мне было холодно.

Коппе. Просто гениально!

Швиттер. Из них триста тысяч принадлежали тебе.

К о п п е. Пятьсот тысяч. Великолепно. Значит, погорело и мое издательство.

Ш в и т т е р. Разорен?

К о п п е. До последней нитки.

Ш в и т т е р. Поэтому ты и пришел?

К о п п е. Мой дорогой, я же никак не мог себе представить, что мне придется на этом свете еще раз с тобой говорить. Я хотел провести возле моего покойного друга минуту в молчании. И все. А теперь мне пора, Вольфганг, пожимаю тебе руку в последний раз. Ты в самом деле умираешь?

Ш в и т т е р. В самом деле.

К о п п е. Ты в этом уверен?

Ш в и т т е р. Совершенно уверен.

К о п п е. В противном случае все можно было бы изобразить как воскрешение из мертвых и мое издательство было бы спасено.

Ш в и т т е р. Ничего не выйдет.

К о п п е. Подождем. *(Встает.)* Я бы на твоём месте не торопился и не доверял себе. Смерть стала для тебя навязчивой идеей, ты умираешь с такой энергией, на которую никто другой не был бы способен. И тем не менее ты жив. Не кажется ли тебе, что в этом есть нечто противоестественное? Тогда уж лучше попробуй жить, Вольфганг, по крайней мере, пока ты не умер. Однако я ухожу. Форсированным маршем. Профессор, я всегда перед вами робел. Я всегда был полон почтения к вашему искусству. Но на этот раз, мне кажется, вы допустили роковую ошибку. *(Уходит.)*

Швиттер поднимается и бросает сигару в печь.

Ш в и т т е р. Давайте кончать. Сделайте мне укол. *(Снова валится на постель и переворачивается на живот.)* Это будет гуманно.

Шлаттер смотрит на него.

Ш л а т т е р. Если бы я мог!.. Если бы я мог!.. Я много раз готов был из чистого милосердия ввести вам смертельную дозу. И ни один человек не бросил бы мне упрека. Вы были самым безнадежным больным в моей практике. *(Запирает свой чемоданчик.)* Но вместо того, чтобы просто дать вам умереть, я, черт бы меня подрал, боролся за вашу жизнь. Целые дни я копался в грудe лома, которую вы собой представляли. Я подключил к вам искусственную почку, я вставил вам в живот кишки из пластмассы. Я накачивал ваши легкие ядовитым газом. Я травил вас радиоактивными элементами. Ни минуты не веря в ваше исцеление, вот в чем трагедия, я тупо боролся против смертельного исхода, и каждого врача, который считал, что у вас нет никаких шансов выжить, я выгонял из больницы.

Ш в и т т е р. Сделайте мне, наконец, укол.

Ш л а т т е р. Вы в полном сознании.

Ш в и т т е р. Я умоляю вас.

Ш л а т т е р. Невозможно.

Ш в и т т е р. Совесть не позволяет? Не понимаю.

Ш л а т т е р. Совесть? Вы, уважаемый, были до такой степени бессовестны, что даже не сообразовали умереть, так имейте же порядочность влезть в мою шкуру. Если бы я сделал вам укол в больнице, вас давно похоронили бы, если я сделаю вам укол сейчас, прокурор похоронит меня. Понимаете вы, в каком я положении? *(В ярости.)* Чудовищно! Все мыслящее человечество смеется надо мной, а все верующие убеждены, что вы воскресли из мертвых. Милейший, вот это катастрофа! Для одних я остался в дураках, для других пошел против бога, так или иначе. я виноват. *(Садится за стол.)* И надо же

было, чтобы мне попался лауреат Нобелевской премии! Министр здравоохранения ругал меня по телефону, а министр культуры успокоился только тогда, когда я пообещал ему, что вы непременно умрете сегодня же после обеда. А теперь он так и сидит со своей надгробной речью и правительственными похоронами. Скандал неописуемый. И во всем винят меня. А ведь это я дал миру новый тип хирургических инструментов... Надевайте шубу.

Швиттер. Зачем?

Шлаттер. Вы возвращаетесь со мной *stante pede* * в больницу.

Швиттер. В больницу?

Шлаттер. Да, вам не изменяет слух, мой дорогой.

Швиттер. А что мне там делать?

Шлаттер. Я разберу вас клинически на части, так что зрение и слух больше не будут вам служить. Я выведу на чистую воду это воскресение из мертвых. Я сомневаюсь, что вы вообще еще живы,— это, безусловно, невротический феномен.

Швиттер. Начнем все эти танцы сначала?

Шлаттер. Другой возможности реабилитироваться у меня нет. Враги давно мечтают, чтобы я оступился. Если я с несомненностью не докажу, что вы дважды умирали, я никогда не выберусь из этой пропасти.

Швиттер. Это становится все неприличнее и неприличнее.

Шлаттер. Пошли скорей.

Швиттер. Чтобы продолжать меня мучить?

Шлаттер. Чтобы вылечить вас, наконец! Окончательно. Не возражайте. Ваше общее состояние сейчас таково, что можно петь хвалебные гимны, и тем не менее... Желудок вам надо удалить, я это всегда утверждал. Если ваш пищевод соединить прямо с тонкой кишкой, это даст нам не временное, а стойкое улучшение здоровья, конечно, в пределах возможного, уважаемый мэтр, сейчас нельзя терять надежды. Даже я сам становлюсь оптимистом.

Молчание.

Швиттер. Нет.

Шлаттер. Швиттер!..

Швиттер. Я не хочу больше надеяться.

Шлаттер. Боже мой, но вы должны надеяться

Швиттер. Хватит с меня надежд. Плевал я на надежды.

Молчание.

Шлаттер. Означает ли это... (*Встает.*) Я глубоко разочарован. Уважаемый мэтр, вы отказываетесь меня сопровождать?

Швиттер. Оставьте меня в покое. (*Накрывается простыней.*)

Шлаттер. У меня вся спина в холодном поту. Я боролся за вашу жизнь, а вы бросаете меня на произвол судьбы.

Швиттер. Вы бросаете меня на произвол судьбы.

Шлаттер. Господин Швиттер...

Молчание.

Вы не имеете права загонять меня в тупик.

Швиттер. А вы попробуйте из него выйти.

Шлаттер. Я врач. Я потерял доверие своих пациентов. Дайте мне последнюю возможность.

Швиттер. У нас обеих ее нет.

Шлаттер. Я не перенесу такого унижения.

Швиттер. Пожалуй.

* Пешком (*лат.*).

Шлаттер. Я покончу самоубийством.

Швиттер. Возможно.

Шлаттер. Я вас умоляю...

Швиттер. Я хотел бы провести последние минуты своей жизни, не видя вашей физиономии.

Молчание.

Шлаттер. Вы перед смертью совсем взбесились, и это меня доконает.

В дверях появляется госпожа Номзен, толстая, крепкая, в темном платье и шляпе, с белыми гвоздиками в руках.

Госпожа Номзен. Господи!

Швиттер. Это еще кто?

Госпожа Номзен. Сам господин Швиттер! Ну и смутили вы меня. Вот уж не ожидала. Уж вы меня простите, господа, но я должна присесть, я ведь старая женщина, на кладбище пора, ох как пора. А тут еще карабкайся по лестнице, и вдруг такой сюрприз... (*Переваливаясь, подходит к стулу.*) Посажу и на жестком, в отеле «Бельвью» я тоже на жестком сижу. (*Садится.*) Я там заведу уборной, господин Швиттер, и поэтому вас знаю. С моего места я слежу и за дамской и за мужской. Господи, ноги-то как распухли. (*Растирает ноги.*)

Шлаттер. Вот это конец. (*Шатаясь уходит.*)

Госпожа Номзен. Это профессор Шлаттер. Его я тоже знаю.

Швиттер. Убирайтесь вместе с ним, не то я вас выброшу.

Госпожа Номзен. Я принесла вам цветочки.

Швиттер. Я в них не нуждаюсь.

Госпожа Номзен. Берите, не стесняйтесь. Они же мне ничего не стоили. Я получила их от знакомого могильщика, а он только что спер их с гроба. Я хотела положить эти гвоздики на ваше смертное ложе, всегда любила смотреть на покойников, а вот вы вовсе и не умерли. Даже совсем напротив. Выглядите как новорожденный. Так здоровьем и пышете, это я точно говорю. Когда я вас в последний раз видела в «Бельвью», мне показалось, что вы здорово отекли, побледнели. Конечное дело, там освещение неважное. Нате. (*К его возмущению, сует ему цветы.*)

Швиттер (*сердито*). Вот уж не поверю, что вы пришли как почитательница моего таланта.

Госпожа Номзен. И поэтому, господин Швиттер, и поэтому. Я иногда посещаю народные представления и нахожу ваши пьесы очень художественными.

Швиттер (*грубо*). Киньте вашу зелень вон на те венки и ступайте.

Она бросает цветы в угол.

Госпожа Номзен. Я госпожа Номзен. Вильгемина Номзен. Мать Ольги. Вы — мой зять.

Швиттер. Малютка никогда мне о вас не рассказывала.

Госпожа Номзен. Надеюсь. Я ей это строго-настрога запретила. Мать, которая заведует туалетом, может ей испортить карьеру. Мужчины к этому так чувствительны, а тут еще лауреат Нобелевской премии,— нет, господин Швиттер, это пришлось бы вам не по душе, уж лучше мне было от вас утаиться. А вы меня удивили — до чего у вас цветущий вид. А Ольга решила, что вы помираете.

Швиттер. Вы жестоко ошибаетесь. (*Приподнимается.*) Если хотите выполнить последнюю просьбу умирающего, задерните портьеры и зажгите свечи, прежде чем уйдете.

Госпожа Номзен. Охотно, господин Швиттер, охотно. Но встать сейчас, когда я сижу — ну уж нет. Я старая, больная женщина, вы сами видели, как я задыхалась. (*Хрипит.*)

Швиттер. Ну ладно. Свою последнюю волю я выполню сам. (*Встает. Зажигает свечи. Задерживает портьеры.*)

... Мастерская опять выглядит торжественно.

Госпожа Номзен. Меня сюда привела, господин Швиттер, вот какая причина: Ольги уже нет.

Швиттер смотрит на нее.

Швиттер. Ольги нет?

Госпожа Номзен (*деловито*). Мое дитя приняло у меня на квартире яд, раньше она зналась с одним аптекарем, еще до брака с вами, конечно.

Швиттер медленно садится на край кровати.

Швиттер. Вот чего я не ждал.

Госпожа Номзен. Видно, сразу померла. В сумочке у нее я нашла адрес этой мастерской.

Швиттер. Мне очень жаль, госпожа...

Госпожа Номзен. Номзен. Мой отец был французом, звали его де... де... словом, фамилия у него была какая-то французская, да и отец Ольги был француз, только его фамилии я не знаю, как и отцов Инги и Вольдемара — у меня ведь еще двое детишек. Если подумать, семья должна быть одного роду-племени, без всяких причуд. (*Тяжело дышит.*) Сердце сдает. Оно конечно, воздух в «Бельвью» не самый наилучший, несмотря на кондиционирование. Прямо чахнешь. (*Открывает сумку.*) Не хотелось бы вас утруждать. Но я должна принять таблетку.

Швиттер. Конечно. (*Уходит в глубину мастерской и возвращается со стаканом воды.*) Пожалуйста.

Госпожа Номзен принимает таблетку и запивает ее.

Госпожа Номзен. Мою Ингу вы тоже знаете.

Швиттер. Может быть. Не помню.

Госпожа Номзен. Она выступает под именем Инги фон Бюлов.

Швиттер. Смутно что-то вспоминаю.

Госпожа Номзен. Едва ли вы даже смутно помните ее имя, но зато никто не может забыть, какая у нее прекрасная грудь. Инга — звезда стриптиза, у нее мировая слава. И Вольдемар был хороший мальчик. Такой славный, тихий, мечтательный, да ведь и я была такой когда-то. Уж как я его растила, как заботилась: семь классов, потом коммерческая гимназия. А потом он запустил руку в кассу Хефлигера и компании. Не скажу, что я вообще против уголовников, моя мать была из них, да и отец кончил тем же, но для этого хватит иметь голову на плечах, не к чему было получать такое образование. Нет, образование нужно, чтобы без риска проворачивать большие дела, которые ворюгам не по зубам. Ну да ладно, замнем для ясности. Четыре года скоро минет. В сентябре. Зато в армию ему идти не придется, туда, слава богу, острожников не берут...

Швиттер. Милейшая госпожа Момзен...

Госпожа Номзен. Номзен, а не Момзен. Смехота — многие зовут меня Момзен. И директор «Бельвью» тоже всегда говорит «Момзен». Частенько ко мне заглядывает вниз, хоть имеет собственные удобства... О господи, как спину ломит. Сидячая жизнь, сквозняки, сырость — в «Бельвью», правда, все внизу отдельное, да ведь все время воду спускают в сортирах, вот постепенно вся гигиена сыреет. Лучше пересяду-ка я в кресло... (*Устало поднимается.*)

Швиттер. Могу я вам помочь?..

Госпожа Номзен. Да уж не надо. Вы ведь лауреат Нобелевской премии, а я заведу сортиром—между нами целая пропасть, и надо свое место знать. *(Ковыляет к креслу, садится, складывает руки, тяжело дыша, закрывает глаза.)*

Швиттер. Вам не мешают свечи?

Госпожа Номзен. Пусть горят! Здесь освещение, как в «Бельвью» до ремонта.

Швиттер. Душно.

Госпожа Номзен. А меня знобит.

Швиттер укрывает ей ноги своей шубой.

Госпожа Номзен *(откинувшись, уже издаലെка)*. Господин Швиттер, еще раз вам скажу: только лживые слухи о вашей кончине нас вместе свели. Судьба. Но раз уж такая беда случилась, давайте говорить напрямик.

Швиттер снова садится на кровать.

Госпожа Номзен *(величественно)*. Я на совесть готовила Ольгу к ее занятию. Ей было легче, чем мне, она не признавала условностей и не знала от этого неудобств, а вот мне нелегко было пробиться, да и теперь тоже, если я в мои годы еще работаю в туалете. Это потому, что в туалете, откровенно говоря, можно делать дело, в наши дни торговля у всех так поставлена: я зарабатываю на тех адресах, которые мужчины, наши постояльцы, у меня получают. Портье берет двадцать процентов, а девочке даю тридцать. Как видите, я обществу не враг. Ну, а Ольга? Я оставила моему ребенку целых восемьдесят процентов, портье, понятно, не получал ничего. У нее была миленькая квартирка. Надо же было этой падали выйти замуж!

Швиттер хочет что-то сказать, но госпожа Номзен не дает ему вставить слово.

Знаю, вы были с ней счастливы. Вы с ней развлекались, а чего еще с ней делать? Но жениться зачем? Где бы я сегодня была, господин Швиттер, если бы позволила себе выйти замуж? Да я и в мыслях этого не имела. А теперь? У меня две виллы в английском квартале и предприятие в центре. Нет, господин Швиттер, наша сестра доживет до седых волос в почете, но замуж не пойдет. Либо у тебя есть своя гордость, либо тебе каюк. Вот мы сейчас это и видим. Плакиваем мою дочь. А знаете почему? Потому что Ольга позволяла себе чувства иметь, а ведь я ее всегда остерегала, но слова матери — все равно что в стенку горох. Вот вы — писатель, разве вы себе позволяете чувства иметь в вашем деле? Ну вот! Чувства иметь нельзя, надо представляться, что они у тебя есть, когда этого требует клиент. Когда делаешь дело, чувства тут ни при чем, они тебя погубить могут. Моя дочь сама обрекла себя на проклятую участь.

Швиттер. Госпожа Номзен...

Госпожа Номзен. Это должно быть хоть раз вслух сказано, господин Швиттер.

Швиттер. Моя уважаемая теща...

Госпожа Номзен. Зовите меня госпожа Номзен.

Швиттер. Моя уважаемая госпожа Номзен...

Госпожа Номзен. Господин Швиттер, я не могу похвастаться таким цветущим здоровьем, как ваше. Просто чудо, что я еще жива. Это только из-за Вольдемара. Я должна содержать для него квартиру, чтобы она была в чистоте и порядке, когда он домой вернется, ведь теперь Инга уехала работать в Америку. Мальчик не должен больше витать в небесах. Он должен понять, что у человека одна

цель — богатство, недаром я всю жизнь ему это в голову вколачиваю. Он должен жить на проценты, и все... Я его знаю, пойдет работать и сразу сбрендит, ну и угодит в каторжную тюрьму. Наши дети имеют право быть неумелыми, не то что мы. Смерть Ольги для меня жестокий урок. Я хотела для нее большого будущего в ее занятии, но деловая жизнь оказалась ей не по плечу, и она порхнула в ваши объятия. В объятия лауреата Нобелевской премии.

Молчание.

Швигтер. Спасибо вам, дорогая госпожа Номзен, что вы ко мне поднялись. Наконец-то мне есть с кем поговорить. Скажу вам откровенно: вы мне очень симпатичны. Вы продаете плоть за деньги, и это честный промысел. Я вам завидую. Вы имеете дело с проституцией, а я с литературой. Конечно, я старался соблюсти приличия. Я писал только ради денег. Я не торговал ни моралью, ни житейской мудростью. Я придумывал занимательные истории и ничего больше. Я развлекал тех, кто покупал мои книги, и за это я имел право получать деньги и получал их. С известной гордостью я могу даже утверждать, госпожа Номзен: и с деловой, и с моральной точки зрения мы с вами одного поля ягоды. *(Встает.)* Однако к делу. Малютка умерла. Я не хочу себя ни оправдывать, ни обвинять, да такой безвкусицы вы от меня и не ждете. Вина, искупление, справедливость, свобода, милосердие, любовь—я отрекаюсь от этих возвышенных слов и понятий, которыми человек прикрывает свой образ жизни и свои подлости. Жизнь жестока, слепа и брэнна. Сколько в ней зависит от случая! Случись со мной вовремя легкое недомогание, и я никогда не встретил бы Ольгу. Нам не повезло друг с другом. Вот и все.

Молчание.

Вы молчите, госпожа Номзен. Для вас жизнь еще имеет смысл. А я ее больше не вынесу. Мне казалось, жизнь начинается с того, что человек жрет, и кончается тем, что он погружается в вечный сон. Спасаясь от чудовищного хаоса нашей жизни, я спрятался среди химер, которых зовут здравым смыслом и логикой. Я ушел в искусственный мир, потому что не знал подлинного, ведь подлинный мир не познается за письменным столом, госпожа Номзен, он чаще открывается в вашем гигиеническом, выложенном голубым кафелем чистилище. Моя жизнь не стоила того, чтобы я ее прожил.

Молчание.

Потом начались боли, госпожа Номзен, начались уколы, операции. Пришло познание действительности, а вместе с ним и духовная зрелость. Мне не надо было больше прятаться в мир вымысла. И тут литература мне изменила. У меня ничего не осталось, кроме моего старого, жирного, гниющего тела. Ничего не осталось, кроме страха.

Молчание.

Я дал себе пасть. Я падал, падал и падал. Ничто больше не имело веса, не имело ценности, не имело смысла. И тогда смерть оказалась для меня единственной реальностью, госпожа Номзен, моей неразменной монетой. И я больше ее не боюсь. *(Настораживается.)* Госпожа Номзен!

Молчание.

Госпожа Номзен! *(Вглядывается в нее.)* Не молчите, госпожа Номзен! *(Подходит к ней и наклоняется.)* Госпожа Ном... *(Его охватывает ужас. Он заслоняет ее ширмой.)* Августа!.. Убежала!.. Привратник!.. *(Отдергивает портьеры, распахивает окно.)* Проклятое

солнце! Оно тоже не заходит. (*Бросается к двери. Распахивает ее.*)
Привратник!..

Входит Йохен.

Йохен. С гонораром тоже ничего не выходит.

Швиттер валится на кровать.

Я иду из кабака. Коппе мне все объяснил. Ты вышел из моды, старик. Твои книги пылятся в библиотеках, твои пьесы забыты. Человечество требует точных фактов, а не вымысла. Нужен документ, а не легенда. Все хотят познания, а не развлечений. Писатель либо выполняет общественный заказ, либо он никому не нужен.

Швиттер. Подойди!

Йохен. Я завернул сюда, чтобы, взглянув на твой труп, разразиться проклятиями. (*Заглядывает за ширму.*) Кто это, черт...

Швиттер. Не спрашивай. Смерть есть смерть. Садись.

Йохен подчиняется

Ближе. Мне страшно.

Йохен. Чего?

Швиттер. Что я снова буду жить.

Йохен. Чепуха.

Швиттер. Жить вечно.

Йохен. Никто не живет вечно.

Швиттер. Я все время воскресаю.

Йохен. Ничего, это пройдет.

Швиттер. Больше не верю. Все погибают в этой проклятой мастерской: священник, художник, Великий Мюгейм, Ольга, врач и эта страшная госпожа Номзен. Только я один должен жить.

Йохен. Неверно, старик. Ты забыл обо мне. А ведь и мне придется дальше жить. Молодец из меня не вышел. Придется искать отставных красоток, которые будут меня содержать. Жаль. Мне ведь немного надо. Я хотел получить твое состояние. Деньги не пахнут. Единственное, что у тебя было порядочного,— это полтора миллиона. Я собирался начать с ними честную жизнь, а не такую, какую ты вел с твоим прославленным искусством и высоким интеллектом, я хотел быть свободным и наплевать на твою славу, но ты меня обездолил при помощи нескольких спичек. Вот и конец швиттеровщине.

В дверях появляется майор Армии спасения Фридли со своими солдатами — мужчины и женщины входят в мастерскую.

Майор Фридли. Я — майор Фридли из Армии спасения.

Солдаты Армии спасения. Аллилуйя!

Швиттер. Вон!.. Прочь!..

Майор Фридли (*невозмутимо*). Благословен будь, святой боже, Иисус Христос!

Солдаты Армии спасения. Аллилуйя!

Швиттер. Вы ошиблись адресом. Здесь не проповедуют. Здесь умирают.

Майор Фридли (*невозмутимо*). Мы славим тебя, восставший из мертвых!

Солдаты Армии спасения. Аллилуйя!

Майор Фридли. Тебе воздалось за твою веру! Тебе суждено жить вечно!

Швиттер. Мне суждено умереть, вечно только смерть. Жизнь — это отбросы с помойки природы, немислимая гниль, непристойность, шалый каприз углерода, злокачественная опухоль земной коры,

неизлечимый нарыв... Я возник из праха и в прах превращусь.
Да испепелит меня гром небесный!
Солдаты Армии спасения. Аллилуйя!
Швиттер. Эй вы, шарманщики, топчите меня!
Солдаты Армии спасения. Аллилуйя!
Швиттер. Эй вы, псалмопевцы, скиньте меня с лестницы.
Солдаты Армии спасения. Аллилуйя!
Швиттер. Да помилует меня ваш Христос!
Майор Фридли. Аллилуйя!
Швиттер. Бейте меня вашими гитарами и трубами!

Солдаты подносят трубы к губам.

Солдаты Армии спасения (*в сопровождении труб*).
Пламя утренней зари,
Свет небесного светила,
Сумрак с наших лиц сотри,
Чтоб сиянье озарило
Наши лица, чтобы прочь
Скрылась ночь.

Трубы исполняют переход к следующей строфе. Швиттер устраивается поудобнее в постели.

Швиттер. Когда же я, наконец, схохну?..
Солдаты Армии спасения (*в сопровождении труб*).
О господь, своих рабов
Ты в день судный не оставишь,
Дашь восстать нам из гробов
И от вечных мук избавишь,
Чтоб по радостной стезе
Шли мы все *.

Трубы умолкают.

Падает занавес.

* Стихи в переводе В. Корнилова.

